Без сомнения, как только Эмма и Мари увидели меня, им показалось, что у меня выросла еще одна голова. Позвольте мне немного отступить назад. "Я не хочу, чтобы вы говорили Императрице, что мне не нравятся платья. Потому что тогда она расстроится, а я не люблю огорчать людей".

Я выпятил губу, чтобы придать себе более жалобный вид, и лицо Мари смягчилось от моей милоты. "О, Ваше Высочество, вы такой добрый! Просто ангел ребенок!" - весело воскликнула она. Я далек от того, чтобы быть святым, но Мари ласково похлопывает меня по пухлым щекам, и я наслаждаюсь всей этой любовью. Эмма просто недоверчиво смотрит на эту сцену, тоже сомневаясь в моем статусе святой особы. Но когда Мари называет меня святым, я вспоминаю, как важен Весенний Бал для того, чтобы я мог заявить о себе как о том, кого предсказывала Святая Церковь, кто принесет великое благополучие Империи.

Первое впечатление имеет значение, и я размышляю о качествах, которые должен иметь предполагаемый святой среди людей. Терпеливый. Скромный. Щедрый. Я оглядываюсь на эти безвкусные платья и слегка качаю головой. Спаси и сохрани! Нет никакой возможности, чтобы я производил такое впечатление в этих платьях.

"Мари," я говорю, прерывая сеанс любви. "Принеси мне ножницы". Она вздрагивает, но быстро достает их из ящика моего туалетного столика.

Я разминаю пальцы и принимаюсь рыться в платьях, как в листах бумаги. Отвергнутые куски ткани летят через плечо, создавая внушительную кучу на полу. Эмма подходит медленно, как голодный лев, выслеживающий свою жертву, а затем запрыгивает в пушистую кучу.

"Прочь, прочь, быстро!" - ворчит Мари, возмущенная тем, что Эмма обходится с этими безвкусными платьями, как с опавшими листьями. В моем сердце кучка листьев представляет больше ценности, чем эти наряды.

"Все в порядке, Мари," - рассеянно говорю я, все еще тщательно анализируя платья. Яркий оранжевый цвет, похожий на кожуру апельсина, заполняет мое зрение, и мне приходится сдерживать подступающую тошноту.

Первоначально я думал, что праздное времяпрепровождение в крошечной комнатке Бьянки не добавило ничего необычного к моему короткому списку талантов. Однако теперь, когда я оцениваю эти платья, я вижу, что пребывание у тетушки оставило во мне одно сильное качество. Мода.

В моей прошлой жизни я была типичной сорванцом, не испытывавшей ни отвращения к женственности, ни распахнутых объятий по отношению к ней. Я не происходила из богатой семьи, поэтому большая часть моей одежды была второй рукой, выкопанной из корзин в "Гудвилле" на протяжении многих лет. Я была девушкой в джинсах и футболках, забывающей о макияже, если только не было особого случая.

Но по крайней мере я всегда была чистой. Людям могли назвать меня простой, но они не могли назвать меня грязной или бедной, по крайней мере, в лицо. Халли, расхожий антипод моей непритязательной персоны, в конце концов заставила меня купить несколько "милых" нарядов, чтобы показать мои достоинства, но даже тогда я не обращала внимания на то, что она выбирала, пока цена была низкой.

Открыв глаза в мире Клары, я оказалась втиснута в комнату со всей одеждой Бьянки и едва ли с какими-либо развлечениями. Что еще мне оставалось, кроме как развлекать себя бесцельными часами переодевания, когда Бьянка была слишком занята, чтобы навещать меня?

Если мне везло, я натыкалась на случайные модные журналы, которые она прятала в своей сумке, и читала их 10, а потом и 100 раз, чтобы узнать, какие тенденции набирают обороты в столице и что "ужасно вышло из моды". Бьянка тщательно подходила к выбору своего гардероба, предпочитая тратить деньги на новые платья каждый сезон, чтобы оставаться популярной среди своих клиентов. И после наблюдения за тетушкой все эти годы я горжусь тем, что приобрела латентный интерес ко всему, что связано со стилем.

"Да!" - говорю я себе, наконец откопав бархатное платье приличного индиго-синего цвета. Оно было настолько темным, что почти казалось черным, и только при вынесении из затененного шкафа в свет оно переливалось своим истинным оттенком. Это будет прекрасно смотреться на моей бледной, нездоровой коже, которую я приобрела в этом мире.

"Вот оно!" - говорю я с гордостью, разворачиваясь, чтобы встретиться взглядом с Мари и Эммой, которые с нетерпением наблюдали, как я отвергаю платье за платьем.

Их лица все еще полны замешательства, когда они видят мой выбор. По переду пролегает ужасная полоса блестящей зеленой ткани, безжалостно контрастирующая с цветом. Более светлые синие ленты покрывают юбку, а длинные рукава достаточно широки, чтобы спрятать в них покойника, и волочатся по полу, когда я держу платье в руках.

Эмма наконец произносит, ее слова коротки: "Это уродливо".

Я киваю.

"Но вы хотите носить это, Ваше Высочество?"

Я киваю снова. Она приподнимает брови, но ничего больше не говорит, выглядя скорее как недовольный родитель, чем мой друг. А да, полагаю, мы теперь действительно друзья, поскольку я чувствую себя так же комфортно в ее присутствии, как и в присутствии Мари. Мое сердце наполняется приятными чувствами, и я уверяю Эмму еще немного, чтобы убрать озабоченное выражение с ее юного лица.

"Мари, ножницы?" Мари молча передает их мне, и я расстилаю платье на кровати.

Подобно хирургу, который готовится к сложной операции, я замираю перед самым первым надрезом. Хрусь. Часть зеленой ткани высвобождается из платья. За моей спиной слышится резкий вздох.

- Ваше высочество, вы не можете этого сделать! Осквернять подарок от императрицы.. - Мария закатывает глаза после своего громкого восклицания, нервно теребя руки. Я замедляю операцию по полному избавлению от нежелательной ткани платья и успокаиваю свою няню.

- Не волнуйся, Мария. Я возьму на себя всю ответственность, если что-то случится, - говорю я.

На освобождение каждого лоскутка ткани и ленты уходит время, но меньше чем за час мое платье готово. Без всех этих украшений оно выглядит гораздо проще, чем наряды других. Но я вспоминаю о том, какое первое впечатление хочу произвести, и чувствую удовлетворение от результата. Такое простое платье, разве можно подумать, что императрица Катя не захотела потратиться на меня?

Я тряхнул платье, избавляясь от остатков, и любуюсь своей работой.

- Почему вы разрезали платье на части, ваше высочество? - спрашивает Мария.

Я подбираю лучшие слова, чтобы объяснить свои намерения.

- В море роз простая ромашка будет выделяться, - уверяю ее.

Эмма и Мария синхронно кивают в знак согласия.

- Как остроумно, ваше высочество! - восхищенно восклицает Мария, аплодируя.

Эмма начинает возиться с лоскутами, лежащими на моей кровати, и поворачивается, чтобы посмотреть на кучу отвергнутых платьев перед шкафом.

- Но что с этими платьями? - указывает Эмма на ворох одежды, в котором она недавно играла.

Я вспоминаю свои дни в "Гудвилле" и на моем невинном лице появляется опасная ухмылка.

- Конечно же, мы их продадим, - я уверена, что императрица отвечает за мою скромную стипендию, так что я возьму на себя ответственность за ее поступок и продам эти платья, которые она так любезно доставила мне.

Мария ахает, Эмма сохраняет невозмутимое выражение. Я еще не видела, чтобы что-то по-настоящему смутило этого ребенка.

- Ваше высочество, вы не можете! Продавать подарок от императрицы, это.. это.. - Мария задыхается, словно готова упасть в обморок. Она опирается рукой на один из высоких столбиков моей кровати, в ужасе глядя на кучу платьев.

- Сколько можно выручить за эти платья, Эмма? - спрашиваю я, игнорируя беды моей бедной няни. Хоть эти платья и ужасны на вид, ткань и пошив неплохие, что намекает на то, что императрица специально попросила дизайнеров создать что-то безобразное.

Все это время я лихорадочно думаю, как заработать деньги, будучи запертой в этом дворце и живя в мире, где для благородных дам необычно работать. Я не упущу такую возможность.

Эмма облизывает губы, жадно глядя на мысль о деньгах.

- Достаточно, ваше высочество.

Я хочу спросить, что Эмма считает достаточным, но учитывая ненасытный способ, которым она поглощает мою небольшую стипендию в обмен на информацию, это должна быть довольно приличная сумма, чтобы продержаться какое-то время.

Я начинаю складывать платья на полу, из-за чего Мария поднимает шум о том, что моя личность слишком высока для таких вещей. Я едва сдерживаю смешок. Мне совсем не трудно складывать вещи самостоятельно, но я ценю, что Мария действительно относится ко мне как к принцессе. Вскоре все будут относиться ко мне так же. Я должна это заслужить после того, как оказалась в жизни Зимы.

Мы вдвоем быстро складываем стопку платьев и завязываем их в простую ткань. Этот непритязательный сверток теперь выглядит как вещевые мешки странствующих торговцев, на который обычно не обратишь внимания.

- Эмма, - даю указание я. - Ты знаешь, где продать эти платья по самой высокой цене?

Она кивает, занятая тем, что обматывает сверток вокруг своего тела, чтобы было удобно нести.

- Я доверяю тебе. Помни, чем больше монет принесет эта продажа, тем больше я смогу тебе дать, - говорю я, играя на ее алчности к деньгам.

В ее глазах загорается радостное предвкушение при слове "монеты", и она тут же бросается к двери. Прежде чем Эмма захлопывает за собой дверь, меня посещает одна мысль, и я громко зову ее.

- Эмма!

Она оборачивается ко мне, сверток выглядит громоздким, обернутый вокруг ее семилетнего тела.

Я весело подбрасываю в ее сторону последние несколько монет.

- Купи мне красивых цветов, а на остальные деньги - что-нибудь себе.

- Я не подведу вас, ваше высочество, - обещает она, тихо закрывая за собой дверь с щелчком.

http://tl.rulate.ru/book/30200/3807911